

Z vědeckých posudků publikace:

Książka jest cennym, zewnętrznym oglądem tradycji literaturoznawczych na przełomie ostatnich stuleci i stanowi niezaprzeczalny wkład w przybliżeniu czytelnikowi stosunkowo mało znanych szczegółów historycznych, kulturowych i językowych. Wszystkie recenzowane rozprawy, wchodzące w skład tomu, w pełni odpowiadają kryteriom naukowym, posiadają bogatą, wnikliwie zinterpretowaną warstwę faktograficzną udokumentowaną materiałem egzemplifikacyjnym.

prof. dr hab. Emil Tokarz
członek korespondent SAZiU

Jednotlivé príspevky sú tematicky rôzne zamerané, ale spája ich všetky analýza literatúry a folklóru (zo slovanských aj neslovanských areálov), ich prínos do svetového kultúrneho dedičstva. Všetky príspevky som si so záujmom prečítala a svoje pripomienky som prediskutovala s redaktorom zborníka, ktorý ich zohľadnil pri redakčnej úprave jednotlivých textov.

prof. dr. Zdenka Gadušová, CSc.
UKF v Nitre

ISBN 978-80-88507-00-0

LITERATURA JAKO SVĚDECTVÍ PAMĚTI
SBORNÍK PRACÍ K ŽIVOTNÍMU JUBILEU prof. PhDr. IVA POSPÍŠILA, DrSc.

**LITERATURA JAKO
SVĚDECTVÍ PAMĚTI**

SBORNÍK PRACÍ K ŽIVOTNÍMU JUBILEU
prof. PhDr. IVA POSPÍŠILA, DrSc.

VERBUM : PRAHA

Recenzenti: prof. PaedDr. Zdenka GADUŠOVÁ, CSc.
prof. zw. dr hab. Emil TOKARZ

KATALOGIZACE V KNIZE - NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR
Literatura jako svědectví paměti : sborník prací k životnímu jubileu prof. PhDr. Iva Pospíšila, DrSc. / pod redakcí Libora Pavery. -- [Bašň] : Verbum Praha, 2022
Částečně anglický, polský, ruský, slovenský a ukrajinský text
Obsahuje bibliografii
ISBN 978-80-88507-00-0 (vázáno)
* 82.0-051 * [80(=16)+908(4)]-051 * 82.0 * 80(=16)+908(4) * 821.16 * 82:316.7 * (048.8:082) * (082.2)
- Pospíšil, Ivo, 1952 květen 14.-
- literární vědci -- Česko -- 20.-21. století
- slavistě -- Česko -- 20.-21. století
- literární věda
- slavistika
- slovanské literatury
- literatura a kultura
- kolektivní monografie
- jubilejní publikace
82 - Literatura. Literární život [11]

Vědecká rada VERBUM : PRAHA, z. s.

prof. PhDr. Jiří Fiala, CSc. (Univerzita Palackého, Olomouc); prof. PaedDr. Zdenka Gadušová, CSc. (Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra); prof. PaedDr. Alena Hašková, CSc. (Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra); prof. WSH dr hab. Michał Kaczmarczyk (Wyższa Szkoła Humanitas, Sosnowiec); prof. PhDr. Eva Malá, CSc. (Ostravská univerzita, Ostrava); prof. PhDr. Libor Pavera, CSc. (Vysoká škola ekonomická v Praze); prof. PhDr. Dušan Pavlů (Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave); prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Masarykova univerzita, Brno); prof. dr hab. Dariusz Rott (Uniwersytet Śląski w Katowicach); prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích); prof. UEK dr hab. Zbigniew Widera (Uniwersytet Ekonomiczny w Katowicach).

© Libor Pavera, za redakci sborníku a autory, 2022

© Verbum : Praha, 2022

ISBN 978-80-88507-00-0

LITERATURA JAKO SVĚDECTVÍ PAMĚTI

SBORNÍK PRACÍ
K ŽIVOTNÍMU JUBILEU
prof. PhDr. IVA POSPÍŠILA, DrSc.

Pod redakcí
Libora Pavery

VERBUM
PRAHA
2022

John Poplstone

OBSAH

JUBILANT IVO POSPÍŠIL

Libor Pavera

Poctivá služba literatuře, jejím autorům a vědě o ní

/15/

Bibliografie badatelské a tvůrčí činnosti Iva Pospíšila

(výběr)

/32/

TEXTY

Ольга Червинская

Мистическое как рецептивный парадокс: ключевые аспекты поэтики

/39/

Josef Dohnal

Pulzace jako literárněvědný pojem? Poznámka k inovativní myšlence I. Pospíšila

/69/

Роман Дзык

Французская интерпретация „русского нигилизма“: Достоевский на Манхэттене Андре Глюксмана

/79/

Anton Eliáš

Vývoj ruského románu 19. století jako „work in progress“

/86/

Jiří Fiala – Marie Sobotková

Polský básník Tadeusz Komar, účastník lednového povstání 1863–1864 internovaný v Olomouci

/97/

Anna Gawarecka

Rok 1945, rok 1968 – různé spojrzenia na Armię Radziecką w literaturze czeskiej

/115/

Marko Juvan

The Poetics of Slovenian Late Modernism: Lyrical Poetry without Emotion?

/136/

Jana Kostincová

Web – pavučina – Паутина i univerzální knihovna. Čtení jako závrat

/150/

Krištof Jacek Kozak

Poetry in Slovenian Court: The Case of Tomaž Šalamun

/157/

Petr Kučera

Spirituální poezie jako překračování hranic

/174/

Jiří Kudrnáč

Český literární impresionismus. K jeho cestám a podnětům

/186/

Petr Kyloušek

Indiáni a kolonisté: o jedné z identitárních představ indiána v quebecké literatuře

/203/

Giuseppe Maiello

Pátrání po slovanském tricksterovi

/223/

О. В. Марченко

Поэзия мысли и русская философия всеединства: некоторые заметки о Евгении Баратынском

/234/

Zdeňka Matyušová

Pěšinkami času tušení a vzpomínek

/241/

Alena Mikulášková – Alexej Mikulášek

Petr Grigorjevič Bogatyrev jako překladatel Haškova Švejka: několik poznámek k polystylovosti a polylingválnosti českého textu v zrcadle ruského překladu

/254/

Ludmiła Mnich

До історії Українського Шекспірівського Товариства

/287/

Roman Mnich

„Homo Europae Centralis” как исследовательская проблема

/296/

Natália Muránska

Na margo románu Viktora Pelevina t

/309/

Наталья Никорьяк

Специфика кинорецепции литературной баллады («Букет» Ф.А. Брабеца)

/321/

Lenka Odehnalová

Tvorba F. M. Dostojevského v interpretaci profesora Iva Pospíšila

/341/

Libor Pavera

K současné metodologii poznávání středověké lyriky

/352/

Zdeněk Pechal

Роман М. Горького и жанр повести

/367/

Milan Pokorný

Dialog, metoda, morálka

/375/

Станислав Рылов

Профессор Иво Поспишил и современная славистика

/379/

Dariusz Rott

Krystyna Poniatowska w środowisku Jednoty Braci Czeskich w Lesznie

/385/

Michaela Soleiman pour Hashemi

Orhan Pamuk nejen ve vztahu k ruské literatuře

/400/

Jaroslav Sommer

O kontinuitě a dialogu

/415/

Patrik Šenkár

Filozoficko-nekonečné křišťálové planěty Anny Kaliankovej zo slov, veršov a básní

/426/

Václav Štěpánek

*Odpovědnost literárních tvůrců za prohlubování nacionalismu v Jugoslávii
koncem 70. a v první polovině 80. let 20. století*

/441/

Алёна Тычинина

Методологическое равновесие: ареальная концепция Иво Поспишила

/465/

Марина Уртминцева

*Концепция русской литературы и литературоведения в научном наследии
профессора И. Поспишила*

/489/

František Všeticka

Poetika Soykových dětí Viktora Dyka

/499/

Miloš Zelenka

Vzpomínka poněkud netradiční (Ivo Pospíšil „nevědeckýma“ očima)

/507/

Anna Zelenková

Komparatistika ako edukačný prostriedok porozumenia a komunikácie

/515/

Viera Žemberová

Marginália o texte a interpretovi

/527/

DOKUMENTY

František Všeticka

Pospíšil

(rispet)

/543/

Fotopříloha s komentáři

/545/

LITERATURA

ANDREJEV, Leonid. Marseillaisa. In: ANDREJEV, Leonid. *Velký slam*. Ed. J. Žák, překlad Ludmila Dušková. Praha : Lidové nakladatelství 1987. S. 131–132.

POSPÍŠIL, Ivo. *Ruská románová kronika (příspěvek k historii a teorii žánru)*. Brno : Universita J. E. Purkyně v Brně, 1983. ISBN 55-978-83.

Slovník novější literární teorie. Glosář pojmů. Ed. Richard Müller, Pavel Šidák. Praha : Academia, 2012. 700 s. ISBN 978-80-200-2048-2.

Tento příspěvek vznikl v rámci plnění grantového projektu specifického výzkumu MUNI/A/1335/2021 *Historické epochy ve slovanských kulturách*.

Prof. PhDr. Josef Dohnal, CSc.
Ústav slavistiky
Filozofická fakulta
Masarykovy univerzity Brno

Filozofická fakulta
Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnavě
josef-dohnal@volny.cz

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ „РУССКОГО НИГИЛИЗМА“: ДОСТОЕВСКИЙ НА МАНХЭТТЕНЕ АНДРЕ ГЛЮКСМАНА

РОМАН ДЗЫК

(ЧЕРНІВЦІ)

Title: *French Interpretation of the „Russian Nihilism“: Dostoevsky in Manhattan by André Glucksmann*

Ключевые слова: Ф. Достоевский; Бесы; нигилизм; „новая философия“; А. Глюксман, интертекст.

Аннотация: Рассматривается интерпретация воспринятого сквозь призму русской литературы феномена нигилизма, представленная в книге А. Глюксмана Достоевский на Манхэттене. Отмечено сходство положений представителя „новой философии“ с концепцией „ангажированной литературы“ Ж.-П. Сартра. Показано, что Ф. Достоевский для А. Глюксмана парадигмально представляет обличительный пафос и пророческие качества русской литературы.

Keywords: F. Dostoevsky; Demons; nihilism; “new philosophy”; A. Glucksmann; intertext.

Abstract: The article deals with the interpretation of the phenomenon of nihilism, perceived through the prism of the Russian literature, given in the book *Dostoevsky in Manhattan* by A. Glucksmann. The similarities between the principles of the representative of the “new philosophy” and the concept of the “engaged literature” by J.-P. Sartre are revealed. The article demonstrates that, in Glucksmann’s view, F. Dostoyevsky paradigmatically embodies the exposing message and prophetic features of Russian literature.

Искусство в целом и литературу в частности часто упрекают в отсутствии практической пользы, отрыве от реальности. В этом смысле еще Платон указывал на то, что, подражая действительности, искусство прибегает к своеобразному копированию копий и вместо приближения к идеям движется в совершенно противоположном направлении. Согласуется с этим и кантовское понимание прекрасного как „целесообразности без цели“, а также парадокс О. Уайльда „Всякое искусство совершенно бесполезно“, „чистое искусство“, „искусство ради искусства“ (*l’art pour l’art*) – подобные примеры можно множить.

Как правило, утилитарность литературы особенно остро вызывает сомнения в кризисные исторические моменты. Так, опыт Второй мировой войны привел некоторых художников и мыслителей к постановке и поискам ответов на такие же вполне конкретные вопросы: „Для кого я пишу?“ (Ж. Бернанос) , „Что такое литература?“ , „Что означает писать?“ , „Для чего писатель пишет?“ , „Для кого писатель пишет?“ (Ж.-П. Сартр) , „Нужны ли поэты?“ (М. Хайдеггер) . Но тогда как аргументы М. Хайдеггера могут показаться слишком метафизическими и вряд ли удовлетворят практический разум, то сартровская концепция „ангажированной литературы“ в этом плане, напротив, выглядит весьма функционально.

Преимущество французского философа, возможно, объясняется тем, что он сознательно выводит за пределы анализа поэзию, справедливо указывая на принципиальную разницу между нею и прозой в их отношении к слову. Поэзия, по Ж.-П. Сартру, „приглашает взглянуть на язык с изнанки“, „по ту сторону человеческого бытия“, „глазами Бога“, тогда как „проза по своей природе утилитарна“, „это, в основном, конкретная духовная позиция“. Прозаик, по его утверждению, это тот, кто пытается что-то изменить и действует через „разоблачение“ и „обнажение“: „«Ангажированный» писатель осознает, что его слово – действие. Он отдает себе отчет в том, что обнажать означает – изменить, и что нельзя обнажать, не имея целью изменить“. Из этого следует, что ангажированность обязательно предполагает активность рецепции. Таким образом Ж.-П. Сартр снимает стоявшую перед И. Кантом проблему „целесообразности без цели“. Произведение существует не само по себе, а только тогда, когда его воспринимают.

Процесс писания подразумевает и процесс чтения, они образуют диалектическое единство. Эти два взаимосвязанных акта требуют наличия как автора, так и читателя. Только их совместное усилие заставит возникнуть тот предельно конкретный и одновременно воображаемый объект, каким является творение человеческого духа. Искусство может существовать только для других и посредством других. ... Писать – означает взывать к читателю, который должен перевести в область объективного существования разоблачение, осуществленное посредством языка .

Примечательно, что, обосновывая роль читателя в литературе, философ обращается за примером к творчеству Достоевского:

Чтение можно назвать творчеством под руководством автора. С одной стороны, у объекта литературы нет другой субстанции, кроме читательской субъективности. Ожидание Раскольникова – это мое собственное ожидание, которым я его наделяю, без читательского нетерпения остались бы только скучные буквы на бумаге. Его ненависть к следователю – это моя ненависть, рожденная печатными страницами, и сам следователь не смог бы существовать без этого острого чувства, которое я питаю к нему через посредство Раскольникова .

Соответственно, „все литературные произведения несут образ читателя, для которого они созданы“. То есть гипотетически история литературы может и должна включать не только историю произведений и их авторов, но и читателей.

Понятно, что отношения представителей различных художественных методов к изображаемой ими действительности принципиально между собой отличны. Так, погруженный в современность реалистический писатель, обладая „довольно смутным представлением о будущем“, обращается к насущным проблемам, которые требуют, по его мнению, немедленного решения. Это не означает, что актуальность такого злободневного произведения автоматически снимается вместе с исчезновением описанной им реальности. Логика исторического развития парадоксально доказывает, что пророческими оказываются произведения, обращенные именно к современности, а не к будущему, поскольку гораздо больше шансов на повторение уже имевшего место, чем на осуществление воображаемого предвидения. Именно таким пророческим даром, исходящим из тщательного анализа современности, владел Достоевский, хотя в разное время это ставилось под сомнение (например, Н. Михайловским , Л. Шестовым). Созвучность его творчества новым общественно-историческими реалиями и идейно-философским поискам говорит сама за себя .

Опыт XX и уже даже XXI века отчетливо демонстрирует актуальность „проклятых вопросов“, особенно занимавших русского классика. Среди них выделяется проблема нигилизма, наиболее полно раскрытая в романе Бесы. Высказанные здесь идеи глубоко резонировали с последующими историческими событиями; во времена Советского Союза это откровенно подтверждалось его длительной табуированностью. Только в последние годы существования СССР появилась воз-

возможность рассматривать произведение в перспективе революционных событий начала XX века – до этого времени подобное могла себе позволить только эмигрантская критика. Современная ситуация также дает немало оснований для подобного „перечитывания“.

Один из наиболее авторитетных представителей французской „новой философии“ Андре Глюксман (1937–2015) в работе *Достоевский на Манхэттене* (2002) констатирует, что Бесы „оказались пророческой книгой“, которая „выступила провозвестницей разрушительных отношений, установленных Лениным“. Вместе с тем, философ подчеркивает, что „во втором чтении, уже после окончания холодной войны, обнаруживаются дотоле не принимавшееся в расчет грани“. Первую попытку такого „второго чтения“ он предпринял в *Одиннадцатой заповеди* (*Le XIe commandement*, 1991), многократно апеллируя к авторитету Достоевского при анализе феномена интегризма, или даже еще в работе *Кухарка и людоед: Этюд об отношениях между государством, марксизмом и концлагерем* (*La cuisiniere et le mangeur d'hommes: essai sur les rapports entre l'Etat, le marxisme et les camps de concentration*, 1975), указывая на предчувствия и пророчества писателя. Затем в *Достоевском на Манхэттене* тексты русского классика перечитываются автором в свете трагедии 11 сентября в Нью-Йорке и Чеченской войны.

В своих книгах А. Глюксман опирается на сартровскую концепцию ангажированной литературы. Правда, ее интерпретация несколько корректируется. Подчеркивая, вслед за Ж.-П. Сартром, двойную программу писателя: „разоблачать то, что есть, и служить тому, что должно быть“, он соответственно противопоставляет литературу разоблачительную („тераскопическую“) и литературу ангажированную („волюнтаристскую“, „мобилизационную“), несмотря на то, что эти две функции у Ж.-П. Сартра выступают неразделимыми характеристиками собственно ангажированной литературы. Сам Ж.-П. Сартр вполне осознавал опасность, подстерегающую морализаторскую литературу: „Добрые намерения рожают скверную литературу“, цитируя слова А. Жида.

Позиция любого художника в этом смысле выглядит, на наш взгляд,

довольно двойственной. С одной стороны, если он только обличает, показывая „насилие, наблюдаемое изнутри“, „выставленное в утвердительно и завоевательной логике своего развертывания“, то рискует быть обвиненным, по примеру Достоевского, в „жестокости“ своего таланта или даже привлеченным к суду, как это было с Г. Флобером. Отсюда А. Глюксман предлагает различать „опыт нигилизма и нигилистический опыт“. О том же говорил А. Камю, в своих размышлениях о романах Достоевского предостерегая от отождествления „абсурдного произведения“ с „произведением, в котором ставится проблема абсурда“. С другой стороны, если задуматься, писатель рискует впасть в чрезмерную дидактичность.

Утверждая, что „русское чудо есть выигранное – выигранное со знанием дела и на грани надрыва – пари литературы разоблачительной и тераскопической против литературы волюнтаристской и мобилизационной“, А. Глюксман, по сути, тем самым отказывает русской литературе в устремленности к поиску положительных идеалов (отсутствием идеала, кстати, попрекал Достоевского и Н. Михайловский). В доказательство справедливости этого тезиса А. Глюксман приводит следующие эпизоды: сожжение второго тома *Мертвых душ* Н. Гоголем, проклятие литературы Л. Толстым, публицистику Достоевского, уступающую ценностью, как он полагает, его романам. Последнее утверждение целесообразно сопоставить с мнением М. Бахтина, восходящим к его концепции монологичности и полифоничности: „Достоевский-художник всегда одерживает победу над Достоевским-публицистом“ (характерно, что и сам А. Глюксман цитирует *Проблемы поэтики Достоевского*). Правда, у него в плане идеала все же „выделяются“ Соня, Алеша, князь Мышкин, но так, „как выделялись бы инопланетяне“.

Эти выводы, опять же, вытекают из искаженной интерпретации концепции ангажированной литературы, искусственно разделенной на разоблачительную и мобилизационную (волюнтаристскую). Для наглядности А. Глюксман сравнивает их со старой и новой медициной: первая (аналитическая) „концентрировалась на дефекте, терпеливо классифицировала болезни“, вторая (синтетическая, исцеляющая) „теоретизировала, исходя из блага“. В конечном счете, „новый философ“

полностью солидаризируется с Ж.-П. Сартром: „Врач и писатель, разоблачители, подхватывают: «да, разрушения есть явление объективное и субъективное; я, ты, мы его претерпеваем, оно констатируется, значит, можно поднять и мобилизовать против него»“ . У Ж. П. Сартра: „Назвать – значит показать, а показать – значит изменить“. В этом и кроется суть ангажированной литературы, намеренной изменять через разоблачение, обнажение, рассчитывая на активное рецептивное сотворчество.

Именно за русской литературой А. Глюксман признает приоритет в художественном осмыслении проблемы нигилизма, которая со времен А. Пушкина упорно „рассматривает со всех сторон единственный объект своей медитации – варварство“. Соответственно он цитирует и слова Достоевского: „Откуда взялись нигилисты? Да они ниоткуда и не взялись, а все были с нами, в нас и при нас“ . Достоевский, а также И. Тургенев, А. Чехов, А. Солженицын, В. Шаламов и другие открывали разнообразные грани данного феномена. Не следует ли из этого, что российская действительность давала гораздо больше материала, чем другие, для подобного разоблачения? Такое впечатление у читателя книги Достоевский на Манхэттене может сложиться до раздела „В сердцевине мрака“. Автор предостерегает от столь упрощенного подхода: Россию „считают отсталой, обреченной бесконечно догонять. Только писатели предугадали, что она опасно забежала вперед, всей планете являя зеркало будущего на XXI век“ . Выступая одним из ведущих элементов именно такого зеркала, автор Бесов в дискурсе французского философа занимает центральную позицию.

Прочтение русского классика часто сводится к аксиоме „Если Бога нет, все позволено“, забывая, что он проникновенно исследовал разлом, разрыв, распад – все, что порождает тот нигилизм, который, по А. Глюксману, лежит в основе современного терроризма. „Достоевский появился, чтобы указать непреодолимые для заразы границы“. По мнению философа, кадры падения башен-близнецов „уместно было бы снабдить субтитрами из Бесов“: „Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна!.. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Раскачки такая пойдет, какой еще мир

не видал...“ . Террористическим методам, направленным против государства, симметричен государственный терроризм (бомбардировка Грозного), и философ ставит между ними знак равенства.

Острая злободневность, при значительной отдаленности по времени романа, объясняется в книге тем, что „нигилизм идет старым путем“ . Основной мишенью остается город . Правда, у Достоевского изображен провинциальный городок, а современные террористы направляют свои атаки против больших городов, однако логика их действий остается прежней. По мнению А. Глюксмана, сохраняет актуальность и трехуровневая иерархическая структура „бесов“:

Есть активисты: мелкие группы „бесов“, или „одержимых“, специалистов по шельмованию, поджогам и самопожертвованию. Имеется более редкая публика, „наши“ в широком смысле, как это понимает манипулятор Верховенский ... Наконец обособленно держится Единственный, вождь, которого окружает и делает столь обожаемым тайна. ... Преступление 11 сентября подобным же образом было разыграно на трех сценах .

Интересно, кстати, учтен ли был А. Глюксманом тот факт, что первый день хроники романа датируется 12 сентября (установлено Л. Сараскиной)?

Как показано на примере убийства Шатова, также не найден и лучший способ сплочения нигилистического сообщества, чем общее кровавое преступление . Трудно продемонстрировать ярче, чем это сделано Достоевским в образе устроительницы благотворительных балов Юлии Михайловны, и бесперспективность сдерживания нигилистов „лаской“. Не случайно министру по делам молодежи и спорта М.-Ж. Бюффе А. Глюксман приводит этот эпизод в пример в связи со срывом „берами“ футбольного матча Алжир – Франция в 2001 году . В книге легко можно найти еще множество подобных аналогий.

Стоит подчеркнуть, что интертекст Достоевского на Манхэттене включает не только Бесов. Здесь рудиментарно присутствуют также Преступление и наказание, Идиот, Подросток, Братья Карамазовы, Записки из Мертвого дома, Записки из подполья, Бобок, а также подготовительные материалы, русский и французский критический дискурс вокруг творчества писателя (М. Бахтин, Ж. Катто). Отсыл-

ки к Достоевскому могут осуществляться с помощью специфических маркеров. Так, упоминание „трех святых нигилистического календаря“ – „Наполеона“, „Ротшильда“, „Великого Инквизитора“, совмещая, вслед за русским писателем, первых двух исторических лиц с персонажем Братьев Карамазовых, логично переводит их из исторического плана в контекст романов Преступление и наказание и Подросток соответственно. Еще резонансней на интертекстуальном уровне выглядит цитата из Бобка:

Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!.. хочу, чтоб не лгать... На земле жить и не лгать невозможно... Все это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся .

Помимо того, что этот текст стал предметом тщательного исследования уже М. Бахтина, данный фрагмент перекликается с сартровским пониманием функции ангажированной литературы – обнажать с целью изменений.

В конце концов, все собирается в целое всей антинигилистической направленностью рассматриваемой здесь книги А. Глюксмана. Обобщая современную нигилистическую картину, которую невозможно описать без литературного скальпеля, автор утверждает:

Литература дает глаза, чтобы видеть, но только мужество – эта изначальная доблесть, которая не принадлежит никому и может пробиться в каждом – позволяет сдерживать, иногда обуздать, изредка искоренить разрушительную ярость. ... Нигилизм можно победить .

Вполне вероятно, это мужество и есть тем достойным читательским ответом на разоблаченный в романе мир, который был предусмотрен и Ж.-П. Сартром:

Если мне преподносят этот мир вместе с его несправедливостями, то не для того, чтобы я бесстрастно их рассматривал. ... Мир писателя разоблачается до самой его сути только через восприятие его читателем, читательское негодование или восхищение. Его великодушная любовь – клятва подражать, а великодушное негодование – клятва изменить. Несмотря на то, что литература и мораль – совершенно разные вещи, за эстетическим императивом мы всегда ощущаем императив моральный .

По сути, выясняется, что „новый философ“ полностью повторяет

своего предшественника-экзистенциалиста, хотя демонстративно выказывает к нему критическое отношение.

В целом, для А. Глюксмана характерна погруженность не только в русскую литературу, но и в мировую гуманитарную мысль на всей ее протяженности – от античности и до наших дней. Наблюдая это, довольно странно обнаруживать, что А. Камю удостоился в книге всего лишь беглого упоминания, хотя рассматривал аналогичную проблему и не менее активно апеллировал к Достоевскому. „С этого «все дозволено» начинается подлинная история современного нигилизма“, – подчеркивал, например, автор Мифа о Сизифе и Бунтующего человека, отсылая нас к Ивану Карамазову. К тому же в его философских трудах есть целые главы, сосредоточенные на близкой Достоевскому на Манхэттене проблематике („Кириллов“, „Нигилизм и история“, „Террор“, „Индивидуальный терроризм“, „Шигалевщина“ и другие).

Но не только А. Камю отсутствует в активном арсенале „нового философа“, с его орбиты выпадает еще и Г. Марсель, также высказывавший интересные мысли относительно нигилизма, рассматривая Бунтующего человека . Впрочем, указанное не перечеркивает глюксмановской исследовательской широты феномена нигилизма.

Достоевским на Манхэттене А. Глюксман доказательно обосновывает тезис о том, что именно русской литературе удалось глубоко раскрыть сущность „нигилистической заразы“. Имея объектом препарации российскую действительность, в избранных образцах классическая литературная традиция своими обобщениями выходит за ее рамки. При этом она преодолевает не только пространственные, но и временные границы, в очерченном аспекте, к несчастью, выступая действительно пророческой. Работа французского философа однозначно свидетельствует, что, как выразитель подобной творческой практики, Достоевский в этом плане выступает провозвестником будущей глобальной угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

БАХТИН, Михаил. Проблемы поэтики Достоевского. В: БАХТИН, Михаил: *Собрание сочинений в семи томах. Том шестой: „Проблемы поэтики Достоевского“*, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. Ред. С. Бочаров, Л. Гоготишвили. Москва : Русские словари, 2002, с. 6–300. ISBN 5-98010-001-6.

БЕРНАНОС, Жорж. *Униженные дети: Дневники 1939–1940*. Пер. В. Быстрова. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2005. 244 с. ISBN 5-93615-046-1

ГЛЮКСМАН, Андре. *Достоевский на Манхэттене*. Пер. В. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 224 с. ISBN 5-9709-0004-4.

ГЛЮКСМАН, Андре. *Кухарка и людоед: Этюды об отношениях между государством, марксизмом и концлагерем*. Пер. Н. Ставиской. Лондон : Overseas Publications Interchange, 1980. 248 с. ISBN 0-903868-24-5.

ДЕЛЕЗ, Жиль. Платон и симулякр. Пер. Е. Наймана. В: *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. Сост., общ. ред. Е. Найман, В. Суровцев. Томск: Водолей, 1998, с. 225–240. ISBN 5-7137-0080-1

КАМЮ, Альбер. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Москва : Политиздат, 1990. 416 с. ISBN 5-250-01279-5.

КАНТ, Иммануил. Критика способности суждения. В: КАНТ, Иммануил: *Сочинения в шести томах. Том пятый*. Ред. В. Асмус. Москва : Мысль, 1966, с. 161–527.

КАРЯКИН, Юрий. *Достоевский и канун XXI века*. Москва : Советский писатель, 1989. 656 с. ISBN 5-265-00476-9.

КУСАИНОВ, Андрей. *Французская „новая философия“ и культура постмодерна*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 164 с. ISBN 5-85534-800-8.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Николай. Жестокий талант. В: МИХАЙЛОВСКИЙ, Николай: *Литературно-критические статьи*. Москва : Гослитиздат, 1957, с. 3–45.

САРАСКИНА, Людмила: „Бесы“: роман-предупреждение. Москва : Советский писатель, 1990. 480 с. ISBN 5-265-01528-0.

САРАСКИНА, Людмила: *Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры*. Москва : Прогресс-Традиция, 2010. 600 с. ISBN 978-5-89826-322-5.

САРТР, Жан-Поль: *Что такое литература? Слова*. Минск : Попурри, 1999. 448 с. ISBN 985-438-317-2.

СТЕПУН, Федор. „Бесы“ и большевистская революция. В: СТЕПУН, Федор: *Встречи*. Мюнхен : Товарищество зарубежных писателей, 1962, с. 38–57.

УАЙЛЬД, Оскар. Портрет Дориана Грея. Пер. М. Абкиной. В: УАЙЛЬД, Оскар: *Собрание сочинений в трех томах. Том первый*. Сост. А. Дорошевич. Москва : ТЕРРА–Книжный клуб, 2003, с. 21–244. ISBN 5-275-00919-4.

ХАЙДЕГГЕР, Мартин. Нужны ли поэты? Пер. Н. Болдырева. В: ХАЙДЕГГЕР, Мартин: *О поэтах и поэзии: Гельдерлин, Рильке, Трахль*. Москва : Водолей, 2017, с. 25–84. ISBN 978-5-91763-378-7.

XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Сост. Т. Киносита. Москва : Грааль, 2002. 560 с. ISBN 5-89073-038-X.

ШЕСТОВ, Лев. Пророческий дар. В: *О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов*. Сост. В. Борисов, А. Рогинский. Москва : Книга, 1990, с. 119–127. ISBN 5-212-00409-8.

GLUCKSMANN, André. *Dostoïevski à Manhattan*. Paris : Robert Laffont, 2002. 278 p. ISBN 978-2-221-09321-4

GLUCKSMANN, André. *La cuisinière et le mangeur d'hommes: essai sur les rapports entre l'Etat, le marxisme et les camps de concentration*. Paris : Seuil, 1975. 222 p. ISBN 978-2020043731.

GLUCKSMANN, André. *Le XIe commandement*. Paris : Flammarion, 1992. 346 p. ISBN 978-2080666574.

MARCEL, Gabriel. *Homo viator. Prolégomènes à une métaphysique de l'espérance*. Paris : Association Présence de Gabriel Marcel, 1998, 430 p. ISBN 2-9512139-1-3.

Роман Дзык, кандидат наук
Черновицкий национальный
университет имени Юрия Федьковича
r.dzyk@chnu.edu.ua